

ШЕРЬЯЗДАНОВА КАМИЛЛА ГАЛИМОВНА

*доцент кафедры внешней политики и дипломатии Института дипломатии
Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Kami_shery@mail.ru*

SHERYAZDANOVA KAMILLA

*associate professor of external policy and diplomacy department,
Academy of public administration under the President of Republic of Kazakhstan, Institute of diplomacy*

УДК 32.019.5

**РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ
В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

**THE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN APPROACH
IN MODERN GEOPOLITICAL MEASURING**

Аннотация. В статье рассматривается вклад Евразийской доктрины в философском и историческом значении. Государства и люди Центрально-Азиатского региона принадлежат к Евразийской цивилизации и имеют отличительные особенности общего исторического пути, менталитета и мировоззрения.

Abstract. The article describes the essence of the Eurasian approach in its philosophical and historical meaning. The states and peoples of the Central Asian region belong to the Eurasian civilization and have distinctive features of its joint historical way, mentality and world view.

Ключевые слова: геополитика, евразийство, атлантизм, цивилизация, глобализация, интеграция.

Keywords: geopolitics, Eurasian approach, atlantism, civilization, globalization, integration.

С распадом Советского Союза идеи евразийства приобрели особую актуальность. Данная доктринальная установка как способ доказательства специфики культурно-исторического развития внутриконтинентальных областей Евразии была востребована в связи с центробежными процессами, развернувшимися в конце XX столетия на постсоветском пространстве. Реанимированное евразийство мгновенно завоевало умы политиков и аналитиков (культурологов, политологов, этнологов, социологов и др.) прежде всего как способ доказательства приоритетности внутриконтинентальных и постсоветских «сухопутных» отношений над западными и восточными «приморскими» связями и стало символом постсоветской интеграции [1, с. 280].

Евразийство возникло еще в XIX веке. В 70-е гг. XIX века в России происходила кардинальная трансформация традиционной социально-экономической структуры общества. По этой причине в российском обществе актуальными становятся вопросы о путях дальнейшего развития страны, о сущности нации, специфике ее культуры и истории. В условиях интенсивного развития товарно-рыночных отношений представители русской интеллигенции пытались выработать прочную и жизнеспособную идеологическую концепцию самобытности России.

Наиболее ярким представителем евразийства этого периода был Н. Данилевский. В своей работе

«Россия и Европа» (1869) он отвергает мысль о том, что западная цивилизация является венцом развития человечества. Данилевский считал, что Россия как евразийская держава не должна попасть под влияние западной культуры, она должна сохранить свою социально-культурную самобытность.

В 20–30-е гг. нашего столетия идеи евразийства получили новое развитие в деятельности социально-философского движения русских эмигрантов, покинувших Россию из-за потрясений революции 1917 г. и гражданской войны. Видными представителями евразийства в это время были Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, Г. Флоровский, Н. Алексеев, Л. Карсавин, В. Ильин, А. Кожевников, Д. Святополк-Мирский и др. Представители евразийства 20–30-х гг. нередко концентрировали свое внимание на «восточных» истоках русской культуры, которые, по их мнению, сыграли большую роль в цивилизационно-историческом развитии России. Например, П. Савицкий рассматривает Россию не как национальное государство, а как особый тип цивилизации, сложившийся на основе нескольких составляющих — арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции. Великороссов же он считает не просто ответвлением восточных славян, а особым образованием, в котором органично сочетаются славянские и тюркские компоненты. Примечательно, что Савицкий в противовес традиционной точке зрения фактически оправдывал монголо-татарское

завоевание Руси, благодаря которому, по его мнению, «Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира». В своей статье «Степь и оседлость» он отмечает, что российской культуре одновременно присущи «оседлая» и «степная» стихии. В геополитическом же отношении Россия, или Евразия, выступает как синтез двух реальностей: «европейского Леса» и «азиатской Степи». Созвучие этим идеям мы находим и в работах выдающегося востоковеда В. В. Бартольда.

Аналогичную мысль проводит и Г. Вернадский. По его утверждению, Россия, прежде чем она начала европеизироваться, в течение многих веков была тесно связана со своими восточными соседями и входила в состав Монгольской империи. Данное обстоятельство, считает он, не могло не сказаться на психологии и ментальности русского народа.

Во второй половине XX в. традиции евразийства стал воспроизводить в своих трудах Л. Н. Гумилев — последний евразиец старой плеяды. В его концепции Евразийский Восток выступает не как периферийная территория по отношению к Западной цивилизации, а как самостоятельный и динамичный центр этногенеза, культуры, истории и общественного развития. Параллельно с интересом к идеям основателей евразийства в научной среде стала формироваться идеология неоевразийства, основанная на новом прочтении этой глубокой, исполненной творческой интуиции философии.

Решающий вклад в создание неоевразийской идеологии внесла совпадающая с ней по своим основным ценностным ориентирам новая геополитическая школа, взявшая на вооружение все то лучшее, что было разработано классическим евразийством. Современная геополитика дала неоевразийской философии научный арсенал, рациональную и действенную методологию, актуальность и применимость к реальной политике. Основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели научный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило статус евразийского мировоззрения. Теперь это не только философская идея, это еще и инструмент стратегического планирования. Ведь практически все сферы внутри- и внешнеполитической деятельности, любые масштабные проекты могут быть в той или иной степени проиндексированы по критерию: «Евразийство или атлантизм».

Евразийцы оперируют пространством Евразии — особым материка, для которого свойственен однообразный ландшафт, ограниченный естественными границами. Евразийцы исключают из внимания политико-экономические и демографические факторы формирования национальных границ. Теория естественных границ, являвшаяся некогда инструментом реализации территориальных притязаний, канула в лету: ландшафт неизменен, границы изменчивы.

Кроме того, евразийство было обогащено традиционалистской философией и историей религии,

так как этот аспект у основателей евразийства был развит достаточно фрагментарно. Сейчас неоевразийская философия представляет собой стройный историко-религиоведческий аппарат, позволяющий осмыслить и осознать тончайшие нюансы в религиозной жизни различных государств и народов.

Евразийство особое внимание уделяет истории религии, межконфессиональным отношениям. Евразийское благочестие, общеобязательная нравственность — одни из важнейших императивов евразийства. И в этом отношении между различными конфессиями и религиями нет принципиальной разницы в поддержке курса государства на утверждение базовых нравственных критериев.

Есть несколько направлений, которые способна освоить исключительно евразийская философия. В первую очередь это межнациональные, межконфессиональные конфликты. Евразийство для решения межконфессиональных проблем предлагает диалог активных, глубоко и фундаментально верующих людей. Такой подход должен стать новой моделью межконфессионального диалога, основанного на понимании глубин своей собственной традиции и понимании глубин традиций другого народа. Евразийство объединяет полюса, призывает людей, глубоко и живо переживающих уникальность своей веры, не к слиянию, но к глубинному взаимопониманию и стратегическому альянсу традиций.

Точно так же на евразийской платформе решаются межэтнические конфликты. Уникальность евразийского подхода заключается в том, что в нем не противопоставляются национализм и интернационализм. Еще основатель классического евразийства князь Трубецкой говорил об общеевразийском национализме, когда самоутверждение каждого народа и каждой нации в составе государства поддерживается Центром. Только такой позитивный, созидательный, гармоничный, симфонический евразийский принцип позволяет решить все возникающие межнациональные конфликты.

Актуализация евразийства явилась реакцией, с одной стороны, на крушение коммунизма и распад СССР, а с другой, оно стало попыткой сформулировать альтернативную государственную идеологию и альтернативный внешнеполитический курс в условиях натиска мирового либерального проекта, носителем которого стали в конце XX века США, провозгласившие после окончания холодной войны «конец истории» (Ф. Фукуяма).

Основанное на идеях, высказанных еще в 20-е гг. XX века, современное евразийство пытается дать им новейшую интерпретацию и потому может быть названо не иначе, как неоевразийство. Один из основных теоретиков неоевразийства А. Дугин считает, что заслуга неоевразийцев состоит в разработке следующих идей.

1. Неоевразийцы интегрировали в первоначальное учение полноценную логику геополитического аппарата с его классическим дуализмом Моря и Суши. Существует евразийская метацивилизация, которая представляет собой широкий конгломерат не только славяно-тюркских, но и других многообразных культур Евразии. Это

сухопутная цивилизация, противостоящая морской цивилизации Запада. Противостояние между ними вечно и органично независимо от государственно-политического устройства обоих полюсов. Неоевразийство исходит из принципа неустрашимых противоречий между Евразией и Западом (особенно США) на уровне глубинных цивилизационных принципов. Именно поэтому евразийская цивилизация воплощает собой консервативно-традиционные ценности, противостоящие ценностям либеральным, «атлантистским», которые отстаивает Запад. Причем геополитическое положение государства является намного более важным, нежели особенности политического устройства этого государства. Развивая идеи Маккиндера, который определял «русское Большое Пространство» как «Географическую Ось Истории», неоевразийцы постулируют, что по отношению к России все остальные евразийские государства и земли являются прибрежными. Если Россия — это «Ось Истории», то «цивилизация» вращается вокруг нее. Безопасность и суверенность России тождественны безопасности и суверенности всего евразийского континента. Этого нельзя сказать ни об одной другой крупной евразийской стране — ни о Китае, ни о Германии, ни о Франции, ни об Индии.

2. В отличие от классического евразийства неоевразийство ориентируется на стратегические парадигмы развития России, носителями которых оно считает консервативные ведомства — Минобороны, спецслужбы, структуры ВПК, которые не могут функционировать без стратегических ориентиров (эти ориентиры не могут меняться в зависимости от смены политического руководства).

3. Современную глобализацию неоевразийство считает исключительно «атлантистской», которая по существу является партикулярной, нацеленной на распространение на все регионы мира единственной западной либеральной, в первую очередь, американской культуры. Партикулярной или однополярной глобализации неоевразийцы противопоставляют глобализацию «соборную», альтернативную, «евразийскую», признающую равноценность различных культур.

4. Историческую парадигму неоевразийства А. Дугин определяет как «национал-большевистский метод». Особый упор при этом делается на непрерывность русской истории и преемственность цивилизационных архетипов и основополагающих векторов, которые следуют в первую очередь пространственной, территориальной логике. Важнейшим компонентом такого подхода является экономическая консолидация Евразии в первую очередь через реинтеграцию стран СНГ и всего евразийского материка.

5. С конфессиональной точки зрения, неоевразийство приветствует равноправие и союз различных религиозных традиций, в первую очередь православия, ислама и иудаизма. В национально-расовом смысле неоевразийство считает наиболее плодотворным, имеющим мессианское измерение альянс славян с тюркско-угорским этносом, который сформировал своеобразие великорусского этноса и заложил основу уникальной евразийской

цивилизации и евразийской культуры. Таким образом, неоевразийцы акцентируют, в первую очередь, историческое значение тюркского каганата.

По мнению аналитиков, современное российское евразийство подверглось политической радикализации. В оценке политической роли неоевразийства можно согласиться с немецким историком Л. Люксом: «Слабость нового евразийства в том, что оно так и не сумело добиться широкого признания. Речь лишь идет об отдельных элитарных кружках — совершенно так же, как это было в 20–30 гг. При всей своей оригинальности программа евразийства, судя по всему, вновь обречена на провал».

Анализируя развитие идей евразийства в новом геополитическом контексте, необходимо отметить, что Россия не является единственным носителем идей и практики евразийского партнерства. С ними выступает и Турция, а на пространстве СНГ наиболее активно — Казахстан. Надо понимать — это иное евразийство.

Суть нового, современного, более широкого евразийства заключается в инвариантности принципам, на основе которых функционирует ЕС. Задача настоящего исторического этапа в развитии нового цивилизованного евразийства в СНГ — следовать этим принципам в своих внутренних взаимоотношениях.

Евразийство сегодня это — модель равноправного сотрудничества народов, достигших высокого уровня самосознания и цивилизованности и движимых стремлением утвердить социальный и межнациональный мир и согласие народов.

Сегодня мировое развитие определяется интеграционными процессами. Кто останется на обочине этих процессов, тот отстанет во всем. Поняв это, европейцы смогли подняться над старыми обидами и поставили во главу угла принципы единства. Аналогичные процессы происходят и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уверенно выдвигающемся вперед в экономике, и в других регионах мира.

Казахстан не был сторонником скоротечного разделения и замыкания в «национальных квартирах», последовательно выступал за максимальное сохранение и воссоздание старых связей между бывшими советскими республиками. Мы сразу начали говорить партнерам по СНГ, сколь мало обоснованы упования на то, что едва ли не на завтрашний день после демонтажа советской империи повсеместно утвердятся гражданское общество, демократический строй и процветающий рынок.

Наша изначальная позиция заключалась в том, что СНГ — это не просто временный наполнитель вакуума, образовавшийся после распада СССР. В нашем представлении Содружество должно было стать прочным объединением, устремленным в будущее, способным решить те политические, экономические и социальные задачи, с которыми не в силах оказался справиться Советский Союз. Мы выдвинули идею «нового интеграционизма», основанного на равенстве, добровольности и прагматическом интересе, понимая, что только в этом случае наша геополитическая общность может стать глобальным фактором мировой экономики и политики.

Именно поэтому Казахстан поддержал и инициировал предложения, направленные на интеграцию постсоветского пространства и всемерное укрепление Содружества Независимых Государств, будь то вопросы создания системы коллективной безопасности, единого экономического пространства, таможенного объединения или свободного движения капиталов и рабочей силы.

В евразийском проекте можно выделить несколько уровней. Первый — интеграционные аспекты в пределах СНГ. Здесь прослеживаются две параллельные линии: славянская (преимущественно православная) и тюркская (преимущественно исламская). Именно евразийский подход делает их не антагонистическими, а взаимодополняющими. Славянско-православная линия интеграции призвана сплотить три братских народа — великороссов, малороссов и белорусов. Это направление активно развивается. Более того, в процесс могут включиться и такие страны, как Югославия, Болгария, Грузия, Греция, Румыния, и, возможно, Армения [1].

Тюркская линия евразийства в Содружестве Независимых Государств предполагает консолидацию Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана и Туркменистана с тем, чтобы, создав единое политико-стратегическое пространство, они примкнули к союзу России, Украины и Белоруссии. Тюркско-исламский полюс должен стать притягательным и для исламского (но не тюркского) Таджикистана, и для ряда других евразийских государств.

Все это дает возможность представить конфигурацию союза, который, видимо, логичнее всего называть Евразийским. В этом отношении следует отдать дань прагматичности Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, который первым озвучил необходимость создания Евразийского союза. В сложных политических условиях, когда руководители многих вновь созданных стран СНГ, упиваясь своей независимостью, и слышать не хотели о новом объединении, Н. Назарбаев с завидным постоянством возвращался к евразийской идее, добивался к ней внимания как к важнейшему фактору будущего развития государств Содружества и российско-казахстанского сближения. На этой идее базируются предложения Казахстана о формировании единого экономического пространства в Центральной Азии и в СНГ в целом, о создании Евразийского Экономического Сообщества. Такая последовательная и конструктивная позиция по праву принесла казахстанскому лидеру пальму первенства в евразийском интеграционном процессе [2].

Второй уровень евразийского проекта предполагает создание стратегического альянса с азиатскими государствами, имеющими сходные с нашими стратегические, экономические, цивилизационные, социальные и политические ориентиры. Речь в первую очередь идет об Иране, Индии, Китае, а также арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки. Их участие в общем стратегическом евразийском проекте и придаст реальную основу многополярности. Евразия сможет претендовать на глобальную

роль только в случае участия в евразийском проекте наряду с Евразийским союзом (нынешним СНГ) Ирана, Китая и Индии. Каждое из этих крупных региональных государств имеет свои козыри в экономике, демографии, стратегических вооружениях, ресурсах, промышленном развитии и т.д. И вместе с тем, по общим показателям они серьезно отстают от стран Запада, являясь в той или иной степени странами «второго мира». В противостоянии с Западом эти государства рано или поздно станут обычными «объектами глобализации». А включение в единый западнцентричный мир будет означать для них отказ от культурной и политической самобытности, экономической самостоятельности. Лишь в составе широкого евроазиатского стратегического ансамбля у них появится шанс из пассивного объекта глобализации по американской схеме превратиться в активного субъекта глобализации по альтернативной евразийской многополярной схеме. Постепенно это станет очевидным для руководства данных стран, и вопросы стратегического партнерства в Евразии все шире и шире будут обсуждаться на самых разных уровнях.

Следующим, еще более широким аспектом евразийского проекта является включение в него тех развитых государств Европы и Азии, которые сегодня либо являются союзниками США, либо зависят от них в стратегических, политических и экономических вопросах. Прежде всего, речь здесь идет об объединенной Европе и Японии. Политический истэблшмент этих государств все чаще задумывается о собственной роли в изменившемся мире, где полная зависимость от США становится неоправданной и самоочевидной. Среди западноевропейской и японской элиты концепция многополярности (а, следовательно, и евразийский проект) легко может найти поддержку, если она будет корректно сформулирована и адаптирована к их национальной ментальности [3, с. 36].

И, наконец, нельзя упускать из виду страны собственно третьего мира — развивающиеся государства Азии, Африки и Латинской Америки, былая просоветская ориентация которых означала, прежде всего, стремление избежать политического и экономического диктата со стороны США и стран Запада. Эта национал-освободительная тенденция не исчезла и по сей день, хотя и выражается в новых антиглобалистских формах. Для многих народов и стран, которые не хотят становиться пассивными объектами глобализации и ищут из данной ситуации выход, евразийская модель могла бы послужить примером культурного и национального самосохранения. В любом случае участие в создании многополярного мира было бы для них спасением.

Все перечисленные уровни евразийского проекта (глобальные и локальные) вовсе необязательно должны реализовываться на практике последовательно, т.е. один за другим. Но эти направления должны разрабатываться уже сегодня и безотлагательно. Процесс этнокультурной интеграции тюркских и славянских республик СНГ, усиление связей с восточноевропейскими и азиатскими государствами, новый виток партнерских отношений с европейскими и тихоокеанскими странами, — все это

может развиваться параллельно (одновременно) в экономическом, политическом, социальном, правовом, культурном и дипломатическом срезам.

Таким образом, новый евразийский порядок в современных условиях выступает как гарант

свободы и развития цивилизованных двухсторонних отношений, которые позволили бы с большей точностью выявлять общие интересы и специфику в подходах к решению вопросов и проблем, представляющих совместный интерес.

-
1. *Лаумулин М. Т.* Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. — Алматы: КИСИ, 2000. — 478 с.
  2. Динамика развития интеграционных процессов в государствах СНГ и перспективы формирования единого экономического пространства. — Алматы: КИСИ, 2004. — 198 с.
  3. *Шайхутдинов М. Е.* США, Китай и Россия в Центральной Азии: от стратегии соперничества — к стратегии сотрудничества // Китай, Россия, США: интересы, позиции, стратегии и взаимоотношения в Центральной Азии на современном этапе: Сборник материалов третьей ежегодной Алматинской конференции по вопросам безопасности и регионального сотрудничества. — Алматы: КИСИ, 2005.